

ПАВЕЛ ГАЙДЕБУРОВ

ВНУТРЕННЕЕ
ОБОЗРЕНИЕ

Павел Гайдебуров

Внутреннее обозрение

«Public Domain»

1867

Гайдебуров П. А.

Внутреннее обозрение / П. А. Гайдебуров — «Public Domain»,
1867

«Очерк направлений общества и журналистики за последнее десятилетие. — Направление либеральное, и причины его недолговечности. — Направление реакционное. — Причины его породившие. — «Северная Почта» о прибалтийском крае, протесты против г. Аксакова и протест г. Стебницкого как признаки ослабления реакции. — Попытки взглянуть беспристрастно на дела западного края. — Каково будет наступающее направление русского общества. — По поводу отчета «магазина женских изделий.» — Как мы смотрим на «женский вопрос.» — Из судебной хроники: столкновение в московском окружном суде между председателем Арсеньевым и кн. Урусовым. — Дело об оскорблении г. Асоченским купца Малькова. — Дело о взыскании г. Петровым убытков с петербургского обер-полицмейстера, генерал-лейтенанта Трепова...»

Павел Гайдебуров

Внутреннее обозрение

Очерк направлений общества и журналистики за последнее десятилетие. – Направление либеральное, и причины его недолговечности. – Направление реакционное. – Причины его породившие. – «Северная Почта» о прибалтийском крае, протесты против г. Аксакова и протест г. Стебницкого как признаки ослабления реакции. – Попытки взглянуть беспристрастно на дела западного края. – Каково будет наступающее направление русского общества. – По поводу отчета «магазина женских изделий.» – Как мы смотрим на «женский вопрос.» – Из судебной хроники: столкновение в московском окружном суде между председателем Арсеньевым и кн. Урусовым. – Дело об оскорблении г. Аскоченским купца Малькова. – Дело о взыскании г. Петровым убытков с петербургского обер-полицмейстера, генерал-лейтенанта Трепова.

Положение общественного деятеля в России едва ли не одно из самых невыгодных. Производством какой бы то ни было работы, занятием каким бы то ни было промыслом естественно предполагают в работнике знание потребностей той среды, которой он предлагает результаты своих трудов. Но подобного знания не существует у общественного деятеля в России. Ему постоянно приходится сталкиваться с такими противоречащими друг другу явлениями, представляемыми нашею общественною жизнью, которые необходимо должны поставить его в тупик и окончательно сбить с толку, при чем естественно никакого дельного знания выработаться не может. Все это подтверждается явлениями нашей периодической печати и господствующими в ней так называемыми «направлениями.» Мы, конечно, не будем говорить о газете «Весть», которая одна из всех существующих у нас органов печати может чистосердечно сказать, что *знает* стих читателей, следовательно и свое «общество.» Но эта газета представляет явление совершенно исключительное: действуя в пользу одного только сословия, да и то не во всем его объеме, она могла бы иметь действительно серьезное значение в таком только случае, еслиб в нашей журналистике существовали органы противоположного ей и *строго определенной* направления. К сожалению, этого нет, так что газета «Весть» представляет из себя явление совершенно уединенное, исключительное, не имеющее прочной связи ни с последними реформами, ни с характером всей нашей журналистики. Сойди она завтра же со сцены – и никто не заметит её отсутствия, кроме лиц, особенно горячо ей преданных. Теперь взгляните на остальные наши журналы и газеты, не имеющие сословного характера; в чем смысл и цель их существования? Мы видим, что некоторые из них идут постоянно ощупью, наудачу и нередко меняют однажды принятое направление на совершенно ему противоположное; другие сочинят себе какую-нибудь задачу, не имеющую в действительности никакой основы, и начинают упорно ее преследовать, стараясь уверить и себя, и своих читателей, что задача эта взята прямо из жизни; третьи полагают, что единственное достоинство печатного органа заключается в *честности* его деятелей, забывая при этом, что честность вовсе не обуславливает собою понимания действительных общественных потребностей, и что результаты одного и того же дела, совершенного людьми одинаковой честности, но не одинакового развития, могут быть совершенно различны; четвертые избирают своим направлением какие-нибудь общие, отвлеченные принципы, не укладывающиеся в определенные формы и т. д. Подобные явления происходят, разумеется, оттого, что в самом обществе трудно уловить какие-нибудь определенные направления, потому что трудно предположить, чтобы наши печатные органы намеренно игнорировали общественные потребности; нет, тут одно из двух, или этих потребностей вовсе не существует, или же они до такой степени неясны, что наша печать их не может подметить. Эта неопределенность всего лучше выразилась в объявлениях о некоторых новых периодических изданиях, предпринимаемых с будущего года. С какою целью намерены они увеличить собою число наличных органов печати? замечают ли они какой-нибудь пробел в нашей

журналистике? Сознают ли, что наше общество нуждается в таких изданиях, каких до сих пор не существовало? Ничего этого не видно; напротив, новые издания сомневаются в своем успехе, и потому стараются привлечь на свою сторону подписчиков совершенно посторонними средствами. Мы остановимся несколько на этих средствах, потому что хотя они чисто-фельетонного свойства, однако же довольно резко характеры чуют состояние современной русской печати.

В Москве с декабря месяца начала выходить новая газета. Не говоря ни слова о том направлении, какого она намерена держаться, и не объясняя причин своего появления на свет, новая редакция обращает внимание будущих своих подписчиков на следующие свои особенности: во-первых, за исключением пяти или шести дней в году, газета будет выходить ежедневно; во-вторых, год считается с января, но подписавшиеся ранее этого месяца получают номера за декабрь нынешнего года *бесплатно*, начиная с того числа, в которое принята будет подписка; в-третьих, при конторе газеты основывается *книжная торговля*, распорядители которой, по условию заключенному с редакцией, обязаны исполнять все требования по выписке книг точно и добросовестно. — В Петербурге явятся два новых еженедельных издания; одно из них сопровождается «совершенно независимым» к газете приложением «Художественный Листок,» на который, однако ж, *подписка отдельно не принимается*; другое, заявляя о себе, говорит, что для желающих представляется возможность получать эту газету *бесплатно*; стоит только выписать через посредство такого-то книгопродавца книг на 30 р. — и газета будет высылаться даром. Приведенные нами три примера ясно показывают, что вновь возникающие издания не надеются на свои силы, что они являются вовсе не для удовлетворения какой-либо общественной потребности, а совершенно случайно; поэтому они и стараются обставить свое появление таким образом, чтоб хоть искусственными путями обратить на себя внимание публики. Это, повторяем, доказывает или то, что в настоящее время никаких общественных потребностей не существует, или то, что их не знают наши литературные деятели.

Если мы обратимся к тем мнениям о нашем обществе, какие высказываются почти в одно и тоже время различными органами журналистики, то увидим поразительную смесь самых несоединимых противоположностей: одни находят, что наше общество, в деле своем составе, в высшей степени консервативно; другие, напротив, утверждают, что оно ясно высказывает постоянное стремление подвигаться вперед, но что ему только не недостает необходимой инициативы; одни радуются тому, что общество в последнее время стало интересоваться всем, что в среде его совершается; другие, напротив, скорбят о том равнодушии к собственным нуждам, каким отличается русское общество и т. д. Подобного рода противоположные одно другому мнения приходится слышать постоянно, и каждое из них подкрепляется большим или меньшим количеством фактов, взятых непосредственно из жизни. И каждое из этих мнений оказывается более или менее справедливым. Словом, кто чего захочет искать в нашем обществе, тот то и находит.

А между тем было время, когда наша общественная жизнь представляла такие явления, которые действительно имели вполне общественный характер. Все мы знаем, например, что несколько лет назад, когда журналистика серьезно заговорила о важности народного образования, общество приняло самое живое участие в деле народных школ; когда зашла речь о необходимости разумного образования для женщин, то скоро не осталось почти ни одного губернского города, в котором не было бы женской гимназии; открытие, например, «Общества для пособия нуждающимся литераторам» сопровождалось такими многочисленными заявлениями сочувствия к литературе нею деятелям, пожертвования сыпались в таком количестве, что этому движению нельзя было не придать характера вполне общественного; журналистика пользовалась таким всеобщим и сознательным уважением, что его никак нельзя было считать чем-то случайным, скоропреходящим; всякая публичная ложь и инсинуация порицались с таким откровенным негодованием, которое невозможно было заподозрить в неискренности

или придать ему совершенно исключительный, частный характер. Словом, общество русское представляло тогда резко очерченную физиономию, насчет характера которой не могло существовать двух мнений. Приютом оно представлялось активной массой, которая не сама подчинялась всякому встречному, но подчиняла себе других.

Прошло пять-шесть лет, – и картина совершенно изменилась. Прежняя добродетель начала считаться чуть не пороком; то, что прежде подвергалось единодушному порицанию, начинает снова выступать на сцену и авторитетно провозглашать свои сомнительные доблести; молчавшие прежде органы печати заговорили, говорившие прежде – замолчали. Все стало делаться как-то на выворот, отрицая и порицая недавно минувшее; настала пора – не утомления (это бы еще ничего, это бы свидетельствовало, по крайней мере, о живучести общественного организма), а пора озлобленной ломки того, что еще недавно было насаждено и не успело дать никаких видимых результатов. В обществе началась крутая и суровая реакция, в подробности которой входить еще слишком рано. Но подобное превращение, совершившееся в такое короткое время, невольно вызывает всякого на размышление: что же это такое? где же настоящие, действительные симпатии нашего общества? увлекалось-ли оно тогда, пять-шесть лет назад, или увлекается теперь? Теперь или тогда было оно более похожим на самого себя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.